

Юрий

Толдыков

Возвращение
блудного
мужа

*геометрия
любви*

Юрий Поляков

**Возвращение блудного
мужа (сборник)**

«АСТ»

2001

Поляков Ю. М.

Возвращение блудного мужа (сборник) / Ю. М. Поляков —
«АСТ», 2001

ISBN 978-5-17-054340-3

В книгу вошли три повести – «Возвращение блудного мужа», «Красный телефон» и «Подземный художник», которые объединяет очень важная для автора тема ухода из семьи и возвращения. Мастер бытовой и психологической детали, в них автор снова исследует тонкую материю любви, из которой скроена и сшита человеческая жизнь.

ISBN 978-5-17-054340-3

© Поляков Ю. М., 2001

© АСТ, 2001

Содержание

Красный телефон	5
1	5
2	6
3	8
4	9
5	11
6	13
7	14
Подземный художник	15
1	15
2	22
3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юрий Поляков

Возвращение блудного мужа

Красный телефон

1

Муж любил по утрам. Раз в неделю, обычно в воскресенье, он входил в Лизину спальню, вынимал из кармана изумрудного шелкового халата красный радиотелефон, с которым почти никогда не расставался, и клал его на столик рядом с кроватью – огромной, новомодно круглой, напоминавшей манеж, из странной прихоти застеленный хрустящим постельным бельем.

Некоторое время он тихо стоял над Лизой, по ее дыханию пытаясь понять, спит она или же притворяется. И Лиза старалась дышать ровно, точно спящая, даже считала про себя, чтобы не сбиться: раз, два, три – вдох, раз, два, три – выдох.

Постояв над ней, муж снимал халат – и его волосатая нагота отражалась повсюду, даже на потолке, в бесчисленных зеркалах, делавших спальню похожей на балетную студию. Втянув в себя немалый живот и поигрывая подзаплывшими мускулами, он некоторое время любовался своими отражениями и принимал позы вроде тех, что принимают на подиуме бугристые участники состязаний по бодибилдингу, или по «телостроению», как поправил бы нас, насквозь проамериканенных, старик Даль.

Когда-то, служа еще в ГРУ, муж усердно занимался восточной борьбой, а до этого, в военном училище, – биатлоном. Тело давно уже разъелось и обрюзгло, но остался этот свойственный спортсменам мнительный нарциссизм: от мужа всегда разило кремами, дезодорантами и прочими пахучестями. И чем крепче он накануне пил, тем ароматнее благоухал утром.

Лизу это страшно раздражало. Ей казалось, что вся их огромная квартира, занимавшая целый этаж элитного дома и некогда принадлежавшая кандидату в члены Политбюро, пропахла кремами и одеколонами. И еще ее просто бесило, что тело мужа было покрыто клочковатой черной порослью и весь он, со своими большими ухоженными усами а-ля Ницше, напоминал огромного ризеншнауцера, которого хозяева, решив сэкономить на парикмахере, остригли собственноручно и крайне неравномерно.

Налюбовавшись собой, он обычно ложился рядом с Лизой и, нежно разобрав ее длинные густые волосы, начинал осторожно щекотать за ухом. Когда-то в детстве у него была любимая сиамская кошка, а другим видам нежности муж с тех пор, видимо, так и не обучился. Свой первый любовный опыт он обрел в коротких, наступавших после долгого казарменного томления курсантских увольнениях в город, когда женщину приходилось брать быстро и неожиданно, как вражьего «языка»...

У Лизы от этих «заушных» ласк вдоль спины пробегали противные мурашки, и она делала вид, будто никак не может проснуться, втайне надеясь, что вдруг зазвонит этот красный мобильный телефон и какая-то очередная катастрофа в мире бизнеса заставит мужа спешно одеться и умчаться на своем бронированном джипе в окружении толстоплечих охранников. Неприятности, надо сказать, у него случались довольно часто, и он мог целыми днями – к Лизиной радости – не показываться дома, а если и появлялся, то его обычная немногословность превращалась в тягостное молчание.

Впрочем, красный телефон на Лизиной памяти не звонил никогда, в отличие от другого – черного, вечно верещавшего, как недоколотый поросенок. Но черный телефон муж не брал с собой в спальню ни разу за два года их совместной жизни.

2

Они познакомились, а точнее, впервые увиделись на устричном балу, куда Лизу пригласил знакомый журналист, все никак не решавшийся сделать ей предложение, потому что пока еще не развелся с третьей женой, а со второй никак не мог доделить имущество и детей. Лиза к тому времени уже почти выжила из сердца свою первую неблагодарную студенческую любовь, отгородилась от нее несколькими постельными историями, об одной из которых было даже стыдно вспоминать. И ей вдруг страшно захотелось замуж – так иногда жутко, до судорог в желудке, хочется попробовать увиденный в какой-нибудь цветастой телерекламе неведомый заморский фрукт. Тут-то и появился в ее жизни поседевший в дурачествах журналист.

Они весело болтали, запивая устриц очень приличным шампанским, когда Лиза вдруг почувствовала на себе чей-то тяжелый взгляд. Она оглянулась: громоздкий усатый человек, стоявший по другую сторону стола, смотрел на нее исподлобья. На нем был великолепно-строгий смокинг и огромная клоунская, зеленая в горошек, бабочка: на бал просили явиться с обязательной смешной деталью в туалете. Лиза, например, повесила на шею детское ожерелье из пластмассовых лягушат, а журналист со свойственной его профессии прямокой нацепил полумаску, изображавшую то, что обычно прячут почти ото всех, на крайний случай – под фиговым листком.

Усатый человек смотрел ей в глаза с такой тоской, что Лиза смутилась и, отвернувшись к своему журналисту, звонко засмеялась, как будто услышала от него удачную шутку. Но смех ее оказался совсем не к месту, так как журналист, передвинув полумаску на лоб и сделавшись похожим на единорога, неряшливо, со всхлипами наворачивал устриц. Лиза, скрывая смущение, тоже взяла в руки шершавую раковину со студенистым тельцем, дрожащим в перламутровой лунке.

– Неужели вам нравятся моллюски? – вдруг громко спросил незнакомец, глядя теперь не на Лизу, а на ее спутника.

И стало ясно, что он тяжело пьян. Тем не менее голос у него был приятный, даже бархатистый, но при этом совершенно лишенный оттенков, как это случается у людей, давно уже занимающихся синхронным переводом. Кстати, позже выяснилось, что первое впечатление Лизу не обмануло.

Когда один большой политик в демократическом усердии разболтал на переговорах в Штатах всю нашу разведывательную сеть, ее будущего мужа чуть ли не в мешке с диппочтой переправили домой. Воспользовавшись всеобщей неразберихой, он сразу и навсегда ушел из «Аквариума», сказав, что готов горбатиться на умных мерзавцев, но на дураков – никогда. Конечно, в более вразумительные времена никто бы уйти из Системы ему не позволил. Но была перестройка.

Несколько лет он зарабатывал на жизнь изнурительным синхронном на переговорах отечественных жуликов и американских проходимцев, пока однажды не понял: в разворовываемой стране бизнесменом быть гораздо легче, чем синхронистом. К тому же за три года он узнал столько дорогостоящих секретов и бесценных деликатных подробностей, что добыть стартовый капитал для него не составило проблемы. Конечно, могли и убить, но не зря же он столько лет был «аквариумистом».

– Наверное, человек, вскрывающий себе в ванне вены, чувствует примерно то же самое, что эта устрица! – еще громче сказал пьяный незнакомец и показал вилкой на пустые раковины, действительно чем-то напоминающие ванночки.

Лиза, всегда ценившая в мужчинах остроумие, даже если оно брезжило в черной пьяной шутке, искренне улыбнулась такому неожиданному сравнению и уже собиралась ответить. К примеру, так: «Ах, как бы нам по ошибке не слопать какого-нибудь устричного Сенеку!» Но

журналист вдруг засуетился, снял полумаску и довольно грубо повлек Лизу в сторону, шепча ей на ухо:

– Не заговаривай с ним! Умоляю! Это страшный человек. Помнишь, на прошлой неделе нашли банкира, зарезавшегося в ванной? Это из-за него. Я точно знаю!

Муж перестал щекотать Лизу за ухом и приступил ко второму этапу супружеских ласк. Этот второй этап Лиза про себя называла «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои». Дело в том, что во время дозорного обхождения холодные мурашки превращались в твердые пупырышки гусиной кожи и покрывали уже все тело.

– Гусенок, ты спишь? – спросил муж монотонным голосом, точно в десятый раз переводил все тот же осточертевший эротический фильм.

Эта монотонность тоже страшно раздражала Лизу, но ей не оставалось ничего другого, как издать томный звук счастливого пробуждения и сладко потянуться с закрытыми глазами.

Проклятый красный телефон молчал!

3

На следующее после устричного бала утро было воскресенье, и Лиза хотела выспаться всласть, но ее разбудил ранний звонок в дверь. Поначалу она даже решила, будто это журналист, с вечера намекавший на то, что готов сделать важное признание и далеко идущее политическое заявление. Однако журналист ожидался только к обеду. Открывать, как обычно, пошла мать, с которой Лиза делила крошечную двухкомнатную квартирку в Орехово-Борисово.

Еще до того как ошеломленная – с округлившимися глазами и шумовкой в руке – мать влетела к ней, Лиза почувствовала: происходит нечто необыкновенное. Комната вдруг стала наполняться летучей розовой свежестью, словно за стеной была не завешанная одеждой и заставленная обувью прихожая, а дурмящая огромная оранжерея. Полуголая, Лиза выскочила в прихожую – и попала в розовый сад!

Розы на долгих стеблях в огромных, перевитых лентами корзинах стояли везде – на полу, на тумбочке, на стульях. Они были и сливочно-белые, и бархатно-бордовые, и шелково-алые, и акварельно-желтые, и вообще какого-то странного голубовато-розового оттенка, какой встретишь разве только на замысловатой коробочке из-под китайского чая. Розы были всякие: тяжело распустившиеся, почти распавшиеся; только-только начинающие приоткрываться, похожие на плотно скрученные рулончики; наконец, были и тугие, заостренные бутоны, напоминающие девичьи соски.

– Это от кого? – восхитилась Лиза.

– А я думала, ты знаешь, – подобрала губы мать.

– Да я понятия не имею!

– Может, от твоего журналиста? – с надеждой спросила мать.

– Ну что ты! Он бедный и жадный...

Кстати, журналист после устричного бала навсегда исчез из ее жизни, а когда она шутки ради позвонила ему, он испуганно повесил трубку. Зато у него, как передавали общие знакомые, объявилась вдруг новенькая «девятка» и завелись деньги на выпивку. Он даже перестал рыскать по фуршетам и презентациям, а стал угрюмо и одиноко напиваться каждый вечер в ресторане Домжура.

Лиза заглянула в самую большую корзину и увидела длинный конверт – в нем была записка, всего одно предложение:

А Я ВЕДЬ СОВСЕМ НЕ ТАКОЙ УЖ И СТРАШНЫЙ!

И тогда она поняла, от кого эти цветы. Чтобы не показать волнения, Лиза принялась с преувеличенным вниманием разглядывать розу – огромную, темно-красную, безвозвратно раскрывшуюся, даже начавшую подвядать.

«Интересно, для розы все шмели одинаковые или же есть какой-то один, которого она все время ждет и без которого не может жить?» – думала Лиза, перебирая пальцами нежно-мясистые, влажные лепестки, пробираясь все глубже в сердцевину цветка. Ей казалось, что роза невольно и благодарно вздрагивает от ее прикосновений.

– Кто он? – жалобно спросила мать.

4

Лиза невольно вздрогнула всем телом, открыла глаза и увидела сначала его усы, нелепо-пышные, с желтоватой кромкой от табака. Потом они встретились взглядами, и муж плотно сомкнул веки, продолжая жесткими пальцами бродить по ее телу, покрытому гусиной кожей. Он был похож на слепца, настырно читающего свою пупырчатую книгу. Лиза вздохнула и запустила пальцы в мужнины волосы, еще мокрые и тщательно начесанные ради сокрытия ранней лысины. Она взлохматила их и острыми посеребренными коготками осторожно впилась в его затылок. Он застонал и спрятал лицо у нее на груди.

Красный телефон безмолвствовал...

За две недели до свадьбы (но о ней в ту пору еще и речи не было) «Форд» с шофером привычно стоял внизу, под окнами, уже не вызывая старушечьих пересудов и косых взглядов безработных дворовых парней. Лиза задумчиво рылась в шкафу, перед зеркалом прикидывая, как бы из двух своих приличных нарядов, нескольких юбок и блузок, а также трогательных фамильных украшений изобрести что-нибудь новенькое. От него подарки она принимать отказывалась наотрез, хотя денег, которые он платил за один лишь ужин в дорогом ночном клубе, хватило бы на платье, от которого все подружки-учительницы в лицее замертво попадали бы прямо на порогах классных комнат.

Ему эта шепетильность казалась странной, а ей странным казалось то, что он за два месяца знакомства не сделал ни одной попытки даже подобраться к Лизину телу. Все ее прежние знакомые, включая журналиста, начинали именно с этого, причем с такой непосредственностью, точно они женские доктора и стесняться их совсем не надо. Кстати, именно поэтому Лиза отказалась от заманчивого предложения пойти секретаршей-переводчицей в солидную фирму с хорошей зарплатой и гарантированными выездами за рубеж. Вице-президент фирмы, совсем еще мальчишка, попытался проверить Лизины деловые качества сразу же после собеседования, прямо на кожаном кабинетном диване, и был очень удивлен, получив по прыщавой физиономии.

Журналист, услышав ее возмущенный рассказ, засмеялся и показал хранившуюся у него в бумажнике забавную вырезку из рекламного раздела «Московского комсомольца»: «Интеллигентная блондинка (27/172) с языком ищет место в приличной фирме. Интим не предлагать, а требовать!!!»

В результате Лиза осталась преподавать английский в лицее – так теперь называлась обычная школа с обвалившимся фасадом и учителями, донашивающими строгие преподавательские костюмчики, купленные еще на закате советской власти. Но даже и здесь обсыпанный перхотью директор, вызвав Лизу как бы по делу к себе в кабинет, все норовил, нервно облизывая губы, положить руку на круглое колено молодой учительницы.

Лиза прикинула к груди шелковую блузку с кружевным воротником и увидела в зеркале мать.

– А ведь ты его не любишь!

– Зато ты отца любила. И что от всего этого осталось?

– Память о счастье...

– Вот именно – вечная память!

– И ты еще осталась...

– Ну а раз я осталась, надо как-то жить.

Знаешь, ты была всю жизнь бедной, но счастливой, а я буду несчастной, но богатой. Потом мы сравним, что лучше!

– Только будь осторожной: не заводи детей, пока не убедишься, что с ним можно жить... хоть как-нибудь!

- Пока он не давал мне никакого повода быть осторожной.
- Вот поэтому и будь осторожной!

5

Муж лежал, уткнувшись лицом в Лизину грудь, всей своей неподвижностью прося ее о помощи, и она повела коготками по его шее, плечам, спине, пояснице, словно дразня показываниями больного, обессиленного, но еще способного на ярость зверя. Он и в самом деле был нездоров. Вскоре после окончания училища его отправили в Африку – инструктировать в джунглях каких-то дружественных дикарей, мстивших за своего президента, свергнутого и съеденного лет десять назад. Перед ответственными акциями всем инструкторам давали специальные стимуляторы, чтобы не спать по несколько ночей, а еще делали жуткую прививку «сороконожку», чтобы не подхватить какую-нибудь тропическую заразу. И они, молодые дурачки, припрятывали таблетки да ампулы, а потом, на отдыхе в подмосковном военном санатории, хвастались побочным эффектом – неумолимой мужской состоятельностью – перед медсестричками и случайными потаскушками. После тридцати это обернулось приступами черной тоски и совершенной плотской никчемностью. Но зато он никогда не простужался и понятия не имел, что такое грипп.

Честно говоря, Лизу эти приступы не очень-то и тревожили. От нескольких до-свадебных поцелуев у нее осталось только равнодушие да кислотоватый табачный привкус на губах. Неприязнь появилась позже, она хорошо помнила, в какой именно момент это произошло.

Свадьбы, собственно говоря, у них не было. После мендельсоновского марша, пропиликанного раскормленными «грибоедовскими» скрипачами, и нескольких обязательных бокалов шампанского он поручил своему угрюмому компаньону – единственному участнику церемонии со стороны жениха – развезти погрузневшую Лизину мать и удивленных подруг-учительниц по домам. А сами молодожены отправились в аэропорт, сели на самолет, перенеслись в Амстердам и поднялись на борт теплохода «Астра», отплывавшего в круиз вокруг Европы. У них была огромная каюта-люкс с гостиной, кабинетом и спальней, где стояла широкая, привинченная к полу кровать. Впервые за все время их знакомства он, теперь вдруг ставший ее мужем, был без радиотелефонов – без черного и даже без красного.

Теплоход тихо отстал от причала. Пока они ужинали в еле заметно покачивающемся ресторане, огни города канули в черную воду, и только непотопляемая лунная дорожка, извиваясь и дробясь, стелилась за кормой.

Потом муж плескался в ванне, а Лиза лежала под душистой простыней и без особого трепета ждала его выхода, пытаясь из своего небольшого женского опыта сопрячь для первой брачной ночи что-нибудь сдержанно-нежное, как еще совсем недавно из старых нарядов составляла что-то новенькое для вечера в клубе. Нельзя сказать, что она в те минуты не испытывала к мужу никакого влечения, но это был не порыв, а некое подневольное любопытство.

Он вошел – от его влажного разогретого тела поднимался легкий парок, – и Лиза, впервые увидев эту клочковатую черную поросль дурно остриженного ризеншнауцера, сразу же почувствовала внутри себя, в том месте, где обычно теплится нежность, ноющую неприязнь к мужу. А его неестественно вздыбленная плоть (он, как потом выяснилось, сделал себе специальный укол) вызвала у нее только ужас. Первая ночь превратилась в мучительство, как, впрочем, и все последующие ночи вокруг Европы. Утром, умываясь, она неизменно находила в пластмассовом ведреке аккуратно завернутые в туалетную бумагу пустую надломленную ампулу и одно-разовый шприц.

– Ты болен? – спросила Лиза, когда он, отмучив в очередной раз ее и себя, курил в постели.

– Если усталость – это болезнь, то да, болен, – ответил он обычным монотонным голосом.

– Может быть, пока ты не поправишься, нам надо быть осторожными?

– Не волнуйся. Детей у нас не будет...

– Ты совсем не можешь без этих ампул?

– Я не могу без тебя...

Когда они вернулись из свадебного путешествия, муж с головой ушел в бизнес, а она, уволясь из лица, стала вести жизнь изнеженного домашнего животного, которого иногда выводят погулять в дорогие магазины и рестораны. Лиза, ненавидя себя, смотрела по телевизору все знойные сериалы, а потом по телефону они с матерью обсуждали какое-нибудь новое сумасбродство доньи Хуаниты или очередную выходку Мейсона – только бы не говорить о другом, о главном. Иногда в гости к молодоженам заходили компаньон мужа, молчаливый урковатый парень, и его жена, вертлявая особа с мозгами, умещающимися на кончике языка.

Первое время муж пользовался теми же ампулами и еще какими-то таблетками, но потом врачи строго-настроено запретили это, понадеявшись (как это все чаще делает медицина по мере своего развития) на природные ресурсы организма. Лизу даже пригласили на особую беседу. Вальяжный ухоженный сексопатолог, с мужским интересом оглядывая жену своего пациента, объяснял, какой она должна быть нежной и нетребовательной, чтобы сохранить и упрочить семью. Но это было совсем нетрудно: неприязнь поселилась в ней где-то рядом с желанием, они даже иногда как бы перетекали друг в друга, но чаще все-таки неприязнь вытесняла желание и холодно торжествовала.

6

Он посмотрел на Лизу из своего тоскливого далека и потянулся за халатом. Ей вдруг стало жалко мужа, она остановила его руку и положила себе на грудь, досадуя на предательскую гусиную кожу.

– А помнишь, как нам было хорошо тогда, в кризисе? – вдруг мечтательно соврала она.

– Да?

– Ты был сильный и нежный!

– Да, припоминаю...

– А помнишь запах океана? Океан пах тобой! – Лиза почувствовала себя роман-тично-похотливой героиней знойного мексиканского сериала.

– И тобой, – ответил он.

Лизе показалось, что голос мужа стал другим, – исчезла эта бесившая ее бесстрастность синхрониста и появилось что– то живое. И еще она вдруг почувствовала, как впервые за эти два года неистребимая знобкая неприязнь растворяется в теплой наплывающей нежности.

– Скажи, – спросила она, – о чем ты подумал, когда в первый раз... ну... когда мы стали вместе?

– «Когда мы стали вместе». – Он как-то особенно произнес это неуклюжее словосочета-ние и, улыбаясь, повторил: – «Когда мы стали вместе», я подумал о том, что объятия люби-мой женщины отличаются от объятий нелюбимой, как небесный нектар от поддельной хванч-кары...

– А ты что, пробовал нектар? – совершенно серьезно спросила Лиза, в изумлении глядя на мужа, никогда не отличавшегося разговорчивостью, а тем более красноречием.

– Пробовал! – ответил он и привлек ее с порывистостью нетерпеливого и уверенного в себе любовника.

В это время зазвонил красный телефон.

Муж удивленно пожал плечами, резко отстранился от Лизы и, откинув крышечку мик-рофона, приставил аппарат к уху. Несколько секунд он слушал молча, и его лицо постепенно становилось желто-серым, как у ракового больного.

– Но ведь ты же говорил, что все предусмотрено! – Его голос снова сделался вялым и монотонным. – Как это ни одной царапины? А водитель? Понял... Стоп! Стоп, я сказал... Бесполезно... Он не простит, даже если мы на коленях будем перед ним ползать... Нет, от него не спрячешься...

Говоря все это, муж встал и, неловко переключая телефон из руки в руку, принялся надевать халат. Лиза внезапно поймала себя на том, что в его кустистой черной поросли, так ее всегда раздражавшей, есть даже какая-то возбуждающая трогательность. Смысл звонка до нее все еще не доходил: муж часто ругал по телефону своего компаньона, обещал даже как-то прогнать его.

– ...Нет, этого я давно не боюсь, еще с Африки... – бесцветно говорил он в красную трубку. – Бумаги у меня в порядке. Осталось сжечь кое-какой мусор. Тебе тоже советую. Вре-мени у нас в лучшем случае до вечера... Прощай!

Муж захлопнул крышечку телефона и, отражаясь в зеркалах, медленно пошел к двери. На пороге он обернулся и сказал очень тихо:

– Ничего не бойся: тебя никто не тронет. И постарайся, гусенок, хоть раз в жизни попро-бовать нектар!

7

Больше она никогда его не видела.

Подземный художник

Но есть минуты, темные минуты...
Н. Гоголь. «Портрет»

1

Эта история началась в душный июльский день, когда жара, точно изнурительно пылкая любовница, преследует и мучит, не оставляя в покое ни дома, ни на службе, ни за городом...

Темный, отливающий рыбьей синевой «Мерседес» остановился на углу Воздвиженки и Арбатских Ворот, в самом, что называется, неполюженном месте. Постовой милиционер, радостно помахивая жезлом, заспешил к нахальному нарушителю. Но, увидав номер, содержащий какую-то, наверное, только ГАИ внятную тайну, поморщился, отвернулся и стал высматривать иную поживу, побезопаснее.

Открылась автомобильная дверца, и наружу вылез плечистый, коротко остриженный парень, одетый в черный костюм, в каких обычно ходят телохранители и похоронные агенты. Нос у парня был когда-то сломан самым чудовищным образом. Он поежился, будто из прохладного предбанника попал в жаркую парную, и, почтительно склонившись, помог выбраться из машины молодой женщине, точнее – даме.

Она была хороша! Высокая, стройная, но без той подиумной впалой членистоногости, которая почему-то выдается теперь за совершенство. Наоборот, ее узко перехваченная в поясе фигура обладала всеми необходимыми слабому полу обогащениями, волнуяще очевидными под беззащитным летним шелком. Собранные в узел темно-золотистые волосы открывали высокую шею, перетекавшую в плечи таким необъяснимым изгибом, что просто дух перехватывало.

Выйдя из машины, женщина тут же надела большие темные очки, поэтому залюбовавшийся прохожий мог оценить лишь тонкий прямой нос, нежный подбородок и ярко-алые губы, нарисованные с художественной основательностью – такую могут себе позволить лишь немногие женщины, для которых тратить время и тратить деньги – примерно одно и то же.

В прежние годы подобных красавиц можно было встретить в кино, на улице и в общественном транспорте. По этому поводу кто-то даже сочинил двустишие:

Затосковал? В метро сходи ты!
Там обитают афродиты...

Но пришли новые времена. Одни красавицы уехали за обеспеченным счастьем в дальние страны, другие заселили телевизор, а третьи заточены теперь в подмосковных замках, окруженных трехметровыми заборами, и в город приезжают разве что в дорогих машинах с непроницаемыми стеклами. Очевидно, их мужья и любовники ни в коем случае не желают делиться со всем остальным миром ухваченной по случаю красотой. Нет, конечно, на столичных улицах еще можно иной раз увидеть совершенство, разглядывающее витрину бутика, но в подобных редких случаях автор этих строк, к примеру, чувствует себя орнитологом, обнаружившим на ветке дворового тополя жар-птицу.

Дама огляделась и тихим беспрекословным голосом приказала телохранителю:

– Костя, вы останетесь здесь!

– Но, Лидия Николаевна, Эдуард Викторович меня уволит...

– Я вас тоже могу уволить!

– Увольняйте!

Она пожалала своими необъяснимыми плечами, вздохнула и сказала уже не так строго:

– Но вы можете хотя бы постоять в стороне? Вы же всех распугаете!

– Это входит в мои обязанности.

– Костя! – Она уже почти просила.

– Ладно. Но если что-нибудь...

– Все будет хорошо!

Женщина поправила волосы и пошла к подземному переходу.

– Куда это она? – поинтересовался, высунувшись из машины, водитель.

– Хочет, чтобы ее нарисовали, – объяснил Костя с развязностью, с какой обслуга, оставшись наедине, обсуждает хозяев.

– В такую жару?!

– Чудит! – Телохраниль недоуменно хрюкнул перебитым носом и двинулся следом.

Лидия Николаевна – чуть боком, из-за высоких каблуков, но все равно грациозно – спустилась вниз и подошла к тому месту, где на складных стульчиках сидели художники с большими папками на коленях. Возле каждого на треногах красовались рекламные портреты, обязанные очаровывать и заманивать легкомысленных прохожих. На рисунках были изображены в основном знаменитости: например, Алла Пугачева, так широко разинувшая поющий рот, точно хотела проглотить микрофон. Но если, хоть и с большим трудом, все-таки можно предположить, что великая эстрадница когда-то ненароком, из озорства и забредала в этот переход, то обнаженный по пояс мускулатурный Сталлоне едва ли появлялся тут со своим огромным ручным пулеметом. А уж Мадонна с младенцем и подавно...

В подземном переходе веяло бетонной прохладой, и, наверное, поэтому художники, обыкновенно мающиеся в ожидании клиентов, были заняты работой: с внимательной иронией они вглядывались в лица граждан, застывших перед ними на складных стульчиках, и чиркали по ватману остренькими карандашиками, угольками или пастельками. И только к одной треноге вместо рекламной фантазии был прикреплен небольшой простенький портрет девочки-школьницы, улыбающейся и в то же время страшно расстроенной.

«Наверняка, паршивка, получила двойку, – подумала женщина, – а родителям наврала, что пятерку. Может, даже в дневнике переправила, как Вербасова. За это ее повели сюда – рисоваться, а она сидит и переживает...»

Художника около треноги не оказалось. Лидия Николаевна снова вздохнула и стала прогуливаться по переходу, сравнивая изображение на листах с лицами оригиналов, замерших в ожидании сходного результата и еще не ведавших о предстоящем разочаровании. Никто из подземных художников явно не обладал чудесным талантом портретиста, способного, как сказал поэт Заболоцкий, «души изменчивой приметы переносить на полотно». Некоторые из них, заметив богатую скучающую клиентку, явно заторопились. Один, напоминавший Сезанна, но только лысиной и бородой, даже крикнул:

– Минуточку, мадам, я заканчиваю!

Посадив на лист несколько совершенно необязательных штрихов, он схватил баллончик с лаком для волос и поппикал на портрет, потом несколько раз взмахнул ватманом в воздухе и вручил его растерянной юной провинциалке, позировавшей, намертво зажав между ног большую дорожную сумку. Лидия Николаевна не случайно обратила на девушку внимание: именно такой, испуганной и больше всего на свете боящейся остаться без багажа, она сама почти десять лет назад приехала в Москву из Степногорска.

– Разве это я? – удивилась провинциалка.

– А кто же еще? – хрипло засмеялся псевдо-Сезанн и выхватил из ее пальцев заготовленные деньги.

– Не похоже...

– Как это – не похоже? Вы просто никогда не смотрели на себя со стороны!

Он отобрал рисунок и продемонстрировал коллегам. Портрет не имел ни малейшего сходства с натурой, разве что рисовальщику удалось схватить страх перед столичными ворами, который внушала девушке родня перед поездкой в Москву. Однако подземные художники дружно закивали: мол, похоже, очень даже похоже, и сделались точь-в-точь как рыночные продавцы, единодушно расхваливающие недоверчивому покупателю явно несвежий продукт соседа по прилавку. Пристыженная провинциалка забрала рисунок, свернула в трубочку и поволокла прочь свою сумку.

– Садитесь, мадам! – Халтурщик указал на освободившееся место. – Сейчас я вас изображу!

– Нет, не изобразите, – покачала головой Лидия Николаевна.

– Почему это – не изображу? В любом виде изображу!

– Вы не умеете.

– Что значит не умею? Я Суриковку закончил!

– Дело не в том, кто что окончил, а в том, кто на что способен.

– Да идите вы! – помрачнел псевдо-Сезанн. – Не мешайте работать! Кто следующий?

Но лучше бы он этого не говорил. На стульчик перед ним тяжело уселся Костя:

– Я – следующий. И не дай бог мне не понравится!

Суриковец испуганно посмотрел на громилу-телохранителя, быстро заправил чистый лист и засуетился карандашом. Тем временем освободился еще один художник, но, едва Лидия Николаевна двинулась к нему, он отрицательно помотал головой:

– Вам лучше Володю Лихарева подождать.

– А где он?

– Пошел куда-то. Вернется. Но он рисует только тех, кто ему понравится...

– А вы?

– Мы – всех, кто платит. Присядьте, вон его место. – И художник указал на пустовавшие стульчики около треноги с портретом школьницы.

Она просидела минут десять, наблюдая за тем, как на ватмане псевдо-Сезанна стало вырисовываться нечто очень отдаленно, но весьма льстиво напоминающее Костину изуродованную физиономию.

– Вы хотите портрет?

Лидия Николаевна обернулась на голос: перед ней стоял худощавый, почти тощий молодой человек в потертых джинсах и вылинявшей майке. Его впалые щеки и подбородок покрывала короткая борода, а длинные волосы были собраны в косичку. Он внимательно и чуть насмешливо смотрел на женщину, расправляя длинные нервные пальцы, точно виртуоз перед выходом на сцену.

– Да, я хочу портрет!

– А почему здесь? Приходите ко мне в мастерскую! Я дам адрес.

– Нет, здесь! – капризно сжав губы, ответила Лидия Николаевна.

– Ну что ж, здесь так здесь. Давайте попробуем...

– Значит, я вам понравилась?

– Понравились. Но должен вас предупредить: я беру дорого.

– Это неважно. Я заплачу столько, сколько скажете, если и мне понравится!

– Договорились.

Он разложил на коленях папку и несколько раз провел ладонями по чистому листу, точно стряхивая невидимые соринки, потом долго в задумчивости осматривал карандаш.

– Вы хотите, чтобы я нарисовал вас в этих темных очках?

– Нет, конечно! Я просто забыла...

– Ну разве можно прятать такие глаза? – улыбнулся Володя. – Они у вас цвета вечерних незабудок.

– Почему вечерних?

– Потому что, когда солнце прячется, все цветы грустнеют. Как вас зовут?

– Лидия.

– Меня – Володя.

– Я знаю. Вы не похожи на остальных...

– Что ж в этом хорошего? непохожим живется трудней. У вас есть тайна?

– Что?

– Тайна.

– У каждого есть какая-нибудь тайна...

– Нет, вы меня не поняли. Есть у вас нечто такое, что вы скрываете ото всех? От вашего мужа, например?

– А почему вы решили, что я замужем? Из-за кольца?

– Кольца? Честно говоря, я не заметил вашего кольца. Просто у вас лицо несвободной женщины.

– Почему – несвободной?

– Мне так показалось.

– Володя, вы хотите выяснить мое семейное положение или нарисовать меня? Да, я замужем. Этого вам достаточно?

– Достаточно. Но должен вас предупредить: портрет может выдать вашему мужу что-нибудь такое, что ему знать совсем даже не следует.

– У меня нет тайн от мужа.

– Не сейчас – так потом, когда тайны появятся.

– По-моему, вы преувеличиваете ваши способности.

– Я честно вас предупреждаю. Может быть, не будем рисковать?

– Нет у меня никаких тайн. И не будет. Рисуйте! – Щеки Лидии Николаевны вспыхнули, а тщательно выщипанные брови гневно надломились.

– Замечательно! Ах, какие у вас теперь глаза!

– Какие?

– Цвета предгрозовой сирени.

– Все вы это выдумываете!

– Стоп! Постарайтесь не шевелиться! Взяв карандаш в ладонь, Володя сжал его большим и указательным пальцами, потом сделал быстрое круговое движение, точно наложил надрез на бумагу, и начал рисовать, изредка вглядываясь в сидящую перед ним женщину. При этом он чуть заметно улыбался, словно всякий раз находил в ее лице подтверждение тому, что знал про нее заранее.

«Зольникова, ты идиотка! За каким чертом надо было тащиться в этот переход? Сказала бы Эдику: „Хочу портрет!“ Весь бы Союз художников выстроился в очередь. Нет, все у тебя не по-людски! А зачем ты стала оправдываться перед этим рублевым гением? „Нет у меня никаких тайн и не будет!“ Ты бы ему еще про свои эрогенные зоны рассказала! Встань и уматывай! Мол, передумала...»

«Ни в коем случае! Надо уважать чужой труд. Володя – человек явно талантливый и необычный. Очень даже интересно, что у него получится. А вот про то, что у тебя нет тайн, говорить действительно не следовало. Ты же умная девочка, а ведешь себя иногда будто из пятнадцатой школы. Во-первых, его твои тайны не касаются, а во-вторых, женщина без тайны – это как... это...»

«Как любовь без минета!»

«Господи, как не стыдно!»

– Замолчите обе! – тихо и зло приказала Лидия Николаевна.

– Что вы сказали? – Володя оторвался от листа.

– Нет, я так... сама себе... – смутилась молодая женщина.

– Ясно. «Тихо сам с собою я веду беседу...» – улыбнулся Володя и снова углубился в работу.

Эту странность Лида Зольникова помнила в себе с детства. В ней как бы обитали, оценивая все происходящее, две женщины. Очень разные. Первая была самой настоящей Оторвой, и в разные периоды жизни она говорила разными голосами. В детстве – голосом Люськи Кандалиной, страшной хулиганки, вечно подбивавшей одноклассниц, в том числе и скромную Лидочку, на разные шалости. Брусок мела, пропитанный подсолнечным маслом и подложенный завучу, или мышь, запущенная в выдвижной ящик учительского стола, были ее самыми невинными проделками. После восьмого класса, к всеобщему облегчению, Люська поступила в швейное училище и исчезла из Лидиной жизни. И тогда неугомонная Оторва заговорила голосом Юлечки Бербасовой, переведенной к ним в воспитательных целях из другой школы. Юлечка в свои четырнадцать лет уже болезненно интересовалась мужчинами и однажды заманила подруг в какую-то подвальную музыкальную студию к старым патлатым лабухам. Один из них, выпив, набросился на Лиду и наверняка лишил бы бедную девочку невинности, если бы не ее отчаянные вопли и его огромный тугой живот. В результате первым Лидиным мужчиной стал – что бывает, согласитесь, не так уж и часто – любимый, неповторимый, ненаглядный Сева Ласкин. Хотя, впрочем, ничего хорошего из этого тоже не вышло...

А вот с тех пор как Лида поступила в театральное училище, Оторва стала говорить голосом Нинки Варначевой, однокурсницы и единственной, по сути, подруги. Именно Варначева обращалась к Лиде по фамилии – Зольникова.

Зато Благонамеренная Дама (или просто Дама) всегда, с самого детства, говорила голосом мамы – Татьяны Игоревны, потомственной учительницы, женщины настолько собранной и правильной, что Николай Павлович, покойный Лидии отец, переступая порог дома, сразу чувствовал себя проштрафившимся учеником. Ему-то чаще всех и доставался этот упрек: «Ну прямо из пятнадцатой школы!» Он страшно обижался и переживал, потому что в 15-й школе учились умственно неполноценные дети. Кстати, когда Лида, вдохновленная победой в городском конкурсе красоты, объявила матери, что едет в Москву сдавать экзамены в театральное училище, расстроенная Татьяна Игоревна твердила про 15-ю школу до самого отъезда дочери. Отец на всякий случай помалкивал.

Зато влюбленный в Лиду одноклассник, Дима Колесов, твердо верил в успех задуманного. Он где-то прочитал интервью известного московского режиссера, горько сетовавшего на острую нехватку красивых молодых талантливых актрис, и считал, что именно его подруга восполнит этот бедственный столичный дефицит. Они встречались на тайной скамеечке в зарослях одичавших вишен, и Дима, сорвав неумелый девичий поцелуй, повторял, задыхаясь:

– Ты даже не понимаешь, какая ты красивая! Не понимаешь!

«А ты уверена, что у тебя есть талант?» – поддавшись материнским опасениям, выпытывала Дама.

«Не дрейфь, прорвемся!» – успокаивала Оторва.

Два эти голоса – Оторва и Дама – вели меж собой постоянный спор, доказывая каждая свою правоту, а Лиде оставалось только делать выбор, что было непросто. Узнав о благополучном поступлении дочери (Лида очень понравилась принимавшему экзамены Баталову), Татьяна Игоревна была крайне удивлена и вместо поздравлений зачем-то стала по телефону рассказывать дочери про то, что Колесов с треском провалился в институт и теперь Димина мамаша с ней не здоровается, так как убеждена: сын не поступил, потому что голова у него была забита несвоевременными любовными глупостями. Зато Николай Павлович, игравший

когда-то в студенческом театре, пришел в неопишуемый восторг. Родители часто оставляют детям в наследство свои неосуществленные мечты. И напрасно.

Через полчаса художники, побросав клиентов, сгрудились вокруг почти оконченного портрета.

– Ну и гад же ты, Лихарев! – восхищенно вздыхал псевдо-Сезанн.

Володя, побледневший и весь покрытый испариной, тихо распорядился:

– Лак!

Ему тут же подали баллончик с надписью «Прелесть». Он выпустил коническое облачко, и в воздухе запахло парикмахерской.

– А это зачем? – спросила Лидия Николаевна.

– Чтобы рисунок не стерся со временем, его надо зафиксировать.

– А почему лаком для волос?

– Для красоты. Хотите взглянуть?

– Конечно хочу!

Володя еще раз внимательно посмотрел на рисунок и медленно повернул папку. Несколько минут Лидия Николаевна вглядывалась в лицо, живущее на бумаге. Сходство художник схватил изумительно, причем сходство это было словно соткано из бесчисленных, нервно переплетенных линий. Казалось, линии чуть заметно колеблются и трепещут на бумаге. Но больше всего поразило ее выражение нарисованного лица, исполненное какой-то печальной женской неуверенности, точнее сказать – ненадежности.

– Непохоже? – улыбнулся Володя.

– Похоже... Разве я такая?

– Да, такая. Я вас предупреждал. Давайте лучше я оставлю рисунок у себя!

«Пусть оставит у себя!» – маминым голосом посоветовала Дама.

«Щас! Может, этот Володя потом прославится. И будешь рвать на себе волосы эпилятором! Забери, но от Эдика спрячь...» – распорядилась Оторва.

– Костя, возьмите портрет! – приказала Лидия Николаевна. – Сколько с меня?

– А сколько не жалко! – Художник изобразил дурашливый лакейский поклон.

– Костя, заплатите пятьсот долларов! Подземные художники, услышав сумму, зароптали.

– Ско-олько? – опешил телохранитель. – Лидия Николаевна, да у них тут красная цена – пятьсот рублей! За свой я вообще двести отдал! – И он показал хозяйке лист, с которого гордо смотрел супермен-красавец с эстетично травмированным носом.

– Делайте, что вам говорят!

– Тогда вместе с папкой давай! – скрипучим голосом приказал охранник, протягивая художнику деньги.

Тот взял и глянул на богатейку с грустным лукавством, будто заранее извиняясь за какой-то неочевидный до поры подвох.

– Лидия Николаевна, – улыбнулся Володя, аккуратно уложив доллары в напоясную сумочку. – Я пошутил про тайну...

– Зачем?

– Просто так...

Выйдя из подземного перехода на раскаленную московскую поверхность, женщина остановилась.

– Забыли что-нибудь? – спросил телохранитель.

– Костя, – поколебавшись, сказала она, – я хочу попросить вас об одной услуге!

– На то и приставлены.

– Не надо рассказывать Эдуарду Викторовичу про этот портрет!

– Почему?

- Потому. Возьмите себе пятьсот долларов – и пусть это останется между нами.
- А инструкция?
- Что вам важнее: инструкция или моя просьба?
- Ладно, не скажу...

«Мерседес» с синеватым рыбьим отливом медленно тронулся, пересек сплошную разметку и, свернув направо, исчез в тоннеле. На его место, видимо сбитый с толку, тут же пристал обшарпанный «жигуль» с калужскими номерами. Постовой радостно встрепенулся и хозяйственной поступью направился к простодушному нарушителю.

2

Две дамы, закутанные в белые махровые халаты, сидели в плетеных креслах у края бассейна с минеральной водой, доставляемой в Москву из Цхалтубо специальными цистернами. На столике перед ними стояли высокие бокалы с черно-красным, как венозная кровь, свежесожатым гранатовым соком. На головах у женщин были тюрбаны, а лица светились той младенческой свежестью, которую сообщают коже целебные косметические маски, стоящие бешеных денег.

Одна из них, уже известная нам Лидия Николаевна, улыбаясь, слушала подругу.

– Ты представляешь, Рустам просто очертенел от ревности! Отобрал у меня мобильник.

– А телефон-то зачем отобрал?

– Зольникова, ты действительно не понимаешь или прикидываешься?

– Не понимаю.

– Рустамке рассказали, как одному банкиру жена изменяла. С помощью мобильного.

– Как это?

– А вот так это! Он ее запер от греха, а она что придумала! Договорилась с любовником, тот ей звонил, ну и...

– Что «ну и...»?

– У тебя в голове мозги или тормозная жидкость? Телефон-то с vibрозвонком! Ясно?

– Да ну тебя! Вечно ты...

– Вечно не вечно, а телефон Рустамка у меня отобрал. Просто какой-то горный Отелло!

Слушай, а Эдик ревнивый?

– Конечно.

– Слушай, неужели ты ему еще ни разу не изменила?

– Зачем?

– Вот и я каждый раз думаю: зачем? У нас во дворе были качели. С них одна девчонка упала и разбилась. Об асфальт. Мама мне запрещала к ним близко подходить. А я все равно качалась – тайком. Потом шла домой и думала: зачем? Ничего не меняется – все как в детстве. Только качели разные...

– Смотри не расшибись!

– Это ты, Зольникова, смотри не расшибись! С Мишенькой...

– Что?

– Ой, только перед подругой не надо! И он тебе нравится. Я-то вижу!

– Ну и что, если нравится? Иногда попадаются интересные мужчины. Смотришь и думаешь: если бы у меня была еще одна жизнь, то, возможно, я провела бы эту жизнь с ним.

– А если смотаться на недельку в ту, другую жизнь – и назад. Как?

– Нет, я так не умею. Но даже если бы умела... Нет! Эдик сразу догадается.

– Дура ты, Зольникова! Ни у одного Штирлица не бывает таких честных глаз, как у гультнувшей бабы! В Библии так и написано: не отыскать следа птицы в небе, змеи на камнях и мужчины в женщине...

– В Библии? И давно ты читаешь Библию?

– Ну, ты спросила! Я что, старуха? Я в Марбелле с одним журналистом познакомилась. Отличный парень. Бисексуал. Он про церковь разоблачительные статьи пишет. Библию наизусть знает. В этом году опять туда приедет. Ты-то собираешься?

– Не знаю. Я еще Эдику ничего не говорила.

– Давай я скажу?

– Не надо, я сама. Плавать пойдем?

– Не хочется.

– А мне хочется.

Лидия Николаевна встала, размотала тюрбан, сбросила халат и потянулась с той откровенностью, какую могут себе позволить только женщины, одаренные безупречной наготой. Нинка посмотрела на подругу с завистливым восхищением.

– А подмышки чего не бреешь? Опять, что ли, модно?

– Просто забыла. – Она пожала голливудскими плечами, с разбега нырнула в минеральную синеву и поплыла под водой.

«Будь осторожна! – предупредила Дама. – Если это уже заметила Нина, скоро заметят все!»

«А что они заметят? Баба должна нравиться мужикам, – вмешалась Оторва. – Пусть Эдик тоже немного подергается, а то, понимаешь, купил себе рабыню Изауру. Как он тебя еще к гинекологу отпускает?»

Лидия Николаевна плыла, радостно одолевая тяжелую нежность сопротивляющейся воды. Она наслаждалась своим молодым, свежим и сильным телом. Но в этом монолитном телесном счастье брезжила какая-то тайная, мучающая ее трещинка. И чем полноценнее была радость плоти, тем болезненнее ощущалась эта внутренняя тоска.

Когда она подплыла к краю бассейна, Нинка протянула ей мобильник:

– Майкл!

– Меня нет...

– А где ты?

– Не знаю.

– Ну и дура! – покачала головой Нинка и сообщила в трубку: – Сэр, интересующая вас дама в душе. Примите искренние соболезнования. А я не могу заменить вам ее хотя бы частично? Очень жаль! До свидания!

– Чего он хотел? – вытираясь пушистым полотенцем, спросила Лидия Николаевна.

– Тебя.

– А почему звонил тебе?

– Потому что он настоящий джентльмен и заботится о репутации замужней женщины. О таком любовнике, Зольникова, можно только мечтать!

– Нет, он просто знает, что Эд смотрит распечатки моих разговоров, и боится.

– Слушай, я давно тебя хотела спросить, кто лучше: Эдик или Сева?

– В каком смысле?

– В том смысле, от которого сливки скисли! – захохотала Варначева.

– А разве это можно сравнивать?

– Или! Мужики-то нас все время сравнивают. Только тем и занимаются.

– Не знаю, в голову не приходило.

– Врешь, Зольникова!

Одеваясь, Лидия Николаевна вдруг вообразила себя в постели с мужчиной, который странным образом был одновременно и Севой Ласкиным, и Эдиком, и еще немножко Майклом Огарком...

«Ужас!» – истерично крикнула Дама.

«Да брось ты! Ничего страшного, – успокоила Оторва. – Женщины почти никогда не осуществляют своих сексуальных фантазий!»

«Откуда ты знаешь?»

«В книжках написано!»

3

Как обычно, к вечеру съезд с Окружной на Рублевку был забит машинами. К застрявшему в пробке «Мерседесу» подбежал чернявый оборвыш и грязной тряпкой принялся протирать чуть запылившееся боковое зеркало. Костя ругнулся, нажал кнопку – темное стекло уехало вниз, и перед мальчонкой возникло страшное лицо с перебитым носом. На мгновение ребенок от ужаса замер, а потом пискнул, как мышь, и бросился наутек.

– Костя, ну зачем вы так? – упрекнула Лидия Николаевна.

– Он же маленький!

– Подождите, вырастет! Лет через десять эти хохлоазеры всем покажут!

– Кто покажет?

– Хохлоазеры.

– Какие еще хохлоазеры? Откуда они возьмутся?

– Уже взялись. На рынках кто торгует? Хохлушки. А хозяева у них кто? Азербайджанцы.

Сами понимаете, чем они там по вечерам в своих контейнерах занимаются. Бабы жалостливые: рожают. А дети потом, как крысята, бегают. Москва для них – большая помойка. Мы – враги. Одного гаденыша поймали – гвоздь в тряпку спрятал и вроде как пыль с машин стирал. Одно слово – хохлоазеры!

– Замолчите! – Лидия Николаевна посмотрела в окно и увидела все того же оборвыша, с показной старательностью драившего стекла БМВ. – Пойдите и дайте ему денег!

– Не пойду.

– Почему?

– Он меня не подпустит.

– Леша, выйди и дай ему сто рублей.

Водитель хмыкнул, вылез из машины, подкрался к мальчику и ловко схватил за шиворот. Ребенок сжался, словно ожидая удара. Получив вместо тумака деньги, он посмотрел на странный «Мерседес» с угрюмым любопытством и спрятал купюру в карман. В это время пробка пришла в движение, стоявшие сзади машины нервно засигналили, и Леша бегом вернулся к рулю.

– Зря вы это, Лидия Николаевна, – проворчал он, трогаясь. – Все равно пахану отдаст.

Вырулили на извилистое ухоженное Рублевское шоссе, стиснутое соснами и особняками. Здесь даже асфальт был ровнее и покойнее, чем в Москве. Казалось, к искусственной кондиционерной прохладе, заполнявшей автомобиль, прибавился запах живой хвои. Зазвонил мобильный телефон. Это был муж.

– Ты где? – спросил Эдуард Викторович.

– Уже на Рублевке. Скоро приедем.

– Я жду тебя.

Лидия Николаевна за три года брака успела хорошо изучить своего повелителя и знала: слова «Я жду тебя» вместо «Я тебя жду» означают, что он чем-то недоволен.

Она даже и не мечтала стать женой миллионера. К зависти Нинки, Лида собиралась замуж за их однокурсника, необыкновенно талантливого актера Севу Ласкина, которому преподаватели прочили славу второго Смоктуновского. Чем-то Сева был похож на этого художника... Володю Лихарева. И волосы тоже стягивал косичкой. В дипломном спектакле он сыграл Несчастливцева – и все просто рыдали от восторга.

Сева происходил из интеллигентного московского клана, известного большими революционными заслугами: во время нэпа его прадед был заместителем председателя Концессионного комитета. Но Ласкин рано лишился отца, считавшегося в роду мечтательным неудачником, и жил в коммуналке с вечно хворавшей матерью. Однажды он повел невесту на день

рождения к своему двоюродному брату, и Лида долго не могла оправиться от увиденного. Она даже не представляла себе, что бывают такие огромные квартиры, заставленные и завешанные музейным антиквариатом. Богатые родственники тем не менее относились к бедному Севе с трогательной заботой и гордились его грядущей актерской славой.

Лида, принятая вместе с Ласкиным в один академический театр, уже готовила себя к трудной, но почетной роли возлюбленной помощницы гения, но буквально на первой же репетиции гордый Сева, осерчав на какое-то справедливое замечание, поссорился с главрежем – безусловным классиком и живой легендой сопротивления коммунистическому произволу в области искусства. Впрочем, это не помешало живой легенде нахватать при советской власти кучу орденов и премий, включая Ленинскую. Ласкин заявил классику, что он, «старый брехтозавр», не умеет даже толком поставить актеру задачу. Главреж, конечно, не простил – и Севы попросту не стало. Нет, он, разумеется, жил, ходил на собрания труппы, готовился к свадьбе – и в то же время его не было, во всяком случае, для театральной общественности, еще недавно носившей его на руках.

– Видите ли, Лидочка, – объяснила огорченной невесте одна известная театроведша, прокуренная, как старая боцманская трубка. – В Москве есть три телефонных номера. Всего три. Позвонив по ним, можно сделать актера знаменитым, но можно и уничтожить. Навсегда.

– А талант?

– Талант как взятка. Нужно еще уметь всучить...

Севу пытались спасти. Богатые родственники, имевшие с главрежем каких-то общих витебских предков, умоляли простить неразумного мальчика, и тот вроде бы уже начал смячаться, но тут Сева, в жилах которого кипела неугомонная революционная кровь, попытался поднять в театре мятеж и оказался на улице. Мать, не выдержав позора, умерла от инфаркта. Ласкин сорвался – запил, потом сел на иглу и превратился в высохшего неврастеника, живущего от дозы до дозы.

Лида сначала боролась за него, водила по врачам, нянчила во время ломок и даже обрадовалась, обнаружив, что беременна. Ей казалось, что, узнав про будущего ребенка, Сева изменится, соберется с силами и выздоровеет.

«Какая ты молодец! – старательно подхваливала ее Дама. – Надо бороться за любимого до последнего!»

«Ага, до последней нервной клетки! – ругалась Оторва. – Брось его! Спасать пропащего – самой пропасть...»

Но Сева отнесся к своему грядущему отцовству с тупым безразличием умирающего. В конце концов, застав Ласкина в постели с какой-то изможденной наркоманкой, Лида поняла бесполезность этой борьбы и сделала аборт, хотя врач, ссылаясь на критический срок, всячески ее отговаривал и предупреждал о последствиях.

«Ты убила человека!» – вопила Дама.

«Правильно! – успокаивала Оторва. – Нечего безотцовщину разводить!»

Потом вдруг из Иерусалима приехала Севина дальняя родственница, объявила, что в Земле обетованной, в отличие от этой дикой России, наркомания лечится, и увезла его с собой. Там Ласкина действительно вылечили, он пошел в армию и обезвредил арабского террориста. Об этом даже сюжет по НТВ показывали: в кадре Сева улыбался и обнимал пышноволосую, одетую в военную форму израильтянку – свою жену. Лида проплакала всю ночь, а через несколько дней с отвращением переспала с известным актером, давно и безрезультатно ее домогавшимся. Но когда вскоре он заявился к ней в театральное общежитие и, памятно улыбаясь, выставил на стол бутылку молдавской «Лидии», Зольникова его попросту выгнала.

«Молодец!» – похвалила Дама, решительно не одобрявшая этот постельный проступок.

«Ну и хрен с ним, – поддержала Оторва. – Все равно он жадный и противный!»

Из театра Лида вскоре ушла, вовремя поняв, что, щедро укомплектовав ее безукоризненной фигурой и милой мордашкой, скарденная природа явно сэкономила на драматическом таланте. Два года она подрабатывала на третьестепенных ролях в сериалах и рекламе. Один ролик даже пользовался популярностью. Лида изображала спящую в хрустальном гробу мертвую царевну. К ней подкрадывался смазливый королевич Елисей и нежно целовал в губы, но летаргическая дева продолжала спать, как говорится, без задних ног. Тогда королевич доставал из-за пазухи упаковку жевательной резинки «Суперфрут. Тройная свежесть», отправлял в рот сразу две пластинки и, старательно поработав челюстями, снова лобзал царевну. Та, конечно, тут же открывала глаза и томно спрашивала: «Где я?» В ответ счастливый Елисей угощал Лиду чудодейственной жвачкой и пристраивался рядом с ней в хрустальном гробике.

Личной жизни после катастрофы с Ласкиным у нее почти не было. От безрассудной женской неумности Господь ее оберег, а к тому, что Варначева называла «мужеловством», она всегда относилась с презрением и только отшучивалась, когда прокуренная театроведша сокрушалась при встрече:

– Лидочка, вы же красotka! Вам выпал счастливый лотерейный билет, а вы используете его как книжную закладку! В Москве есть серьезные мужчины, которые могут ради вас позвонить по всем трем телефонам. Помните, я вам объясняла? Не теряйте времени! У женской красоты срок годности недолгий, как у йогуртов.

Неожиданно налетела загорелая, взвинченная очередным курортным романом Нинка и сообщила, что в средиземноморском круизе познакомилась с режиссером, уже почти нашедшим деньги на экранизацию бальзаковских «Озорных рассказов».

– Они же неприличные! – засомневалась Лида.

– Деньги зато приличные! Блин, такое впечатление, что ты монастырскую школу закончила. Тогда возвращайся в свой Степногорск и не морочь людям голову!

– Голой я сниматься не буду!

– Кому ты нужна голая? Это мягкая эротика. Ну, очень мягкая... Режиссер – голубой. У него из осветителей гарем. Не волнуйся!

Пробы прошли на ура, в толпе длинноногих соискательниц Лиду заметили сразу, и постановщик оглядывал молодую актрису с восторгом антиквара, за копейки купившего на толкучке яйцо Фаберже. После кастинга к ней подошел невысокий узколицый мужчина лет сорока, чем-то похожий на вечно не выспавшегося бухгалтера, который в театре выдавал актерам их нищенскую зарплату. Но по тому, как он вел себя, становилось ясно: этот человек имеет дело с совсем другими, огромными деньгами. И не чужими, а своими собственными. У него были странные глаза: умные, грустные и блекло-прозрачные, как водяные знаки на купюрах.

– Меня зовут Эдуард Викторович, – представился он и добавил строго: – Я приглашаю вас поужинать со мной.

– Спасибо, но я не ужинаю. Мне нужно держать форму.

– Вы это серьезно?

– Абсолютно.

– Ну как знаете... – Он посмотрел на Лиду с суровым недоумением и добавил, намекая на тот дурацкий рекламный ролик: – Вероятно, вы еще не проснулись!

– Разбудить некому! – с вызовом ответила она.

«Правильно, Лидочка!» – восхищенно прошептала Дама.

«Зольникова, ты идиотка!» – констатировала Оторва.

– Ты чем думаешь: головой или выменем? – возмущалась, узнав о случившемся, Нинка. – Это же он финансирует весь проект! И знаешь, ради чего?

– Ради чего?

– Подругу ищет. У него недавно любовница на машине разбилась.

– Откуда ты знаешь?

– От верблюда! Ты что читаешь?

– Сейчас – Чехова.

– Ох и навернешься ты когда-нибудь со своего мезонина мордой в грязь! Читай лучше «Московский комсомолец» – и все будешь знать. Завтра тебя поблагодарят за участие в кастинге и дадут пенделя по твоей идеальной заднице, весталка ты хренова!

– Ну и пусть.

Однако, к всеобщему изумлению, роль Лиде дали, но не главную, как хотели вначале, а эпизодическую – служанки, охраняющей покой своей блудливой госпожи, которую играла, естественно, Нинка.

Фильм снимали в Крыму. Пока летели в самолете, Варначева, набитая всевозможной информацией, как щука фаршем, выболтала Лиде все, что знала об Эдуарде Викторовиче. В той прежней, уравнильной до тошноты жизни он был каким-то занюханным инженером-системщиком с единственным выходным костюмом и полунакопленным взносом за кооперативную квартиру. Потом, когда все стало можно, организовал страховую фирму «Оберег», а затем очень удачно поучаствовал в общеизвестной финансовой пирамиде, но вовремя соскочил и купил целый порт.

– Какой порт?

– Тебе-то что? Или ты к нему грузчицей хочешь устроиться?

– Не хочу.

– Женат, между прочим. Трое детей. Недавно его супружницу в «Женских историях» показывали. Обрыдаешься: вместе учились, носил за ней портфель. Впервые поцеловались на выпускном вечере. Нет, представляешь? Я после выпускного первый аборт сделала. Детей любит до потери самосознания! В общем, образцовый семьянин.

– Какой же он образцовый, если у него любовница была?

– Нет, ты точно дура в собственном соку! Мужчина становится образцовым семьянином только тогда, когда заводит любовницу. До этого он просто зануда и производитель грязного белья!

– Значит, я правильно сделала, что никуда с ним не пошла, – сказала Лида и уткнулась в иллюминатор.

Внизу светилось море, похожее сверху на зеленоватую фольгу, сначала скомканную, а потом неровно разглаженную и расстеленную до самого горизонта.

На фильм было отпущено всего двадцать съемочных дней. Лудили почти без дублей и репетиций – чуть ли не с листа. Свет дольше устанавливали. Нинку через неделю чуть не выгнали за то, что все время забывала текст и строила глазки одному из осветителей. Режиссер оказался визгливым садистом и матерщинником. Вежливым и подобострастным он становился лишь тогда, когда на съемочной площадке внезапно, без предупреждения возникал Эдуард Викторович. Он совсем недолго смотрел на происходящее своими грустными бесцветными глазами, равнодушно кивал замершему от благоговения постановщику и исчезал так же внезапно, как и появлялся. Поговаривали, будто он прилетает из Москвы на собственном аэроплане.

День ото дня на площадке становилось все меньше Бальзака и все больше пропеченной крымским солнцем женской голизны. Но раздевались в основном Нинка и стареющая кинобарышня с силиконовыми бивнями вместо бюста, да еще молоденькие потаскушки из симферопольского кордебалета, каждый вечер уезжавшие куда-то в компании коротко остриженных местных авторитетов.

Однако дошла очередь и до Лиды. В фильме имелся эпизод, по просьбе режиссера приспособленный к Бальзаку сценаристом – угрюмым алкоголиком, весь съемочный период пребывавшим в состоянии вменяемого запоя. Когда требовалось что-то досочинить, за ним посылали в гостиницу, он появлялся, распространяя окрест алкогольное марево, и слушал указания

постановщика с таким выражением лица, словно давно уже задумал убить этого кинотирана и только выбирает подходящий момент. Тем не менее на следующий день заказанный эпизод был уже написан и разыгрывался актерами под истерические крики режиссера.

Сцена, выпавшая на долю Лиде, поначалу не содержала в себе ничего предосудительного: служанка с корзиной белья шла к речке – полоскать, а ее подкарауливал ненасытный барон, не удовлетворенный любвеобильной госпожой. Далее сластолюбец набрасывался на несчастную девушку, но на шум прибежала баронесса и била изменщика древком алебарды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.